

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-549-561>

<https://elibrary.ru/PDKUSM>

ШАХМАТНАЯ ТАЙНОПИСЬ РОМАНА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА “THE REAL LIFE OF SEBASTIAN KNIGHT”

© 2024 г. С.А. Кибальник

Аннотация: Вопреки общепринятым представлениям роман Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» тесно связан с его личной жизнью. Автобиографический подтекст этого произведения составляет пережитый писателем любовный роман с Ниной Гуаданини. В романе это могло быть выражено только криптографически — как своего рода скрытое послание к жене Набокова Вере Слоним. Особую роль при этом играет шахматная тайнопись романа, смысл которой сам Набоков отрицал. Однако не всегда и не во всем стоит доверять писателям. В ней — как и в романе в целом — в затушеванном и кардинально преображенном виде преломились многие конкретные обстоятельства его личной жизни.

Ключевые слова: Набоков, роман, The Real Life of Sebastian Knight, крипто-поэтика, шахматная символика, криптоним, автобиографизм.

Информация об авторе: Сергей Акимович Кибальник — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>

E-mail: kibalnik007@mail.ru

Для цитирования: Кибальник С.А. Шахматная тайнопись романа Владимира Набокова “The Real Life of Sebastian Knight” // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 549–561.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-549-561>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

THE CHESS CRYPTOGRAPHY OF VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "THE REAL LIFE OF SEBASTIAN KNIGHT"

© 2024. Sergey A. Kibalnik

Abstract: Contrary to popular belief, Nabokov's novel "The Real Life of Sebastian Knight" is closely connected to his personal life. The autobiographical subtext of this work is the love affair experienced by the writer with Nina Guadanini. In the novel, this could only be expressed cryptographically, as a kind of hidden message to Nabokov's wife, Vera Slonim. A special role is played by the chess symbolism of the novel, the meaning of which Nabokov himself denied. However, it is not always and not in everything that writers should be trusted. In it — as well as in the novel as a whole, many specific circumstances of his personal life turned out to be obscured and radically transformed.

Keywords: Nabokov, novel, "The Real Life of Sebastian Knight", crypto poetics, the chess symbolism, cryptonym, autobiographism

Information about the author: Sergey A. Kibalnik, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>

E-mail: kibalnik007@mail.ru

For citation: Kibalnik S.A. The Chess Cryptography of Vladimir Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavilinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 549–561. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-549-561>

1. Первый англоязычный роман Набокова и его любовный роман с Ириной Гуаданини

Увлечение Владимира Набокова Ириной Гуаданини было в его жизни, пожалуй, наиболее сильным. Писатель был даже готов ради нее оставить семью. Памятником этой любви стал один из луч-

ших рассказов Набокова «Весна в Фиальте». Набоков написал его в 1938 г. — вскоре после того, как они расстались. Логично, что в финале этого рассказа героиня, которая носит имя Нины и находится в связи с героем-рассказчиком, погибает.

Любовный роман Набокова также отразился в первом англоязычном романе Набокова “The Real Life of Sebastian Knight”. Реальные отношения писателя с Ириной Гуаданини представлены тут в еще более преломленном виде. Героиню романа снова зовут Ниной, но на сей раз ее любовник Себастьян даже уходит — как будто бы из-за нее — от женщины, с которой прожил немало счастливых лет (Клэр Бишоп). Так что «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» не столько приоткрывает, сколько камуфлирует события подлинной жизни Владимира Набокова. Однако разглядеть их в этом романе все-таки можно.

Написан он был в декабре 1938 — январе 1939 гг. Набоков живет в это время в Париже со своей женой Верой Слоним и сыном Дмитрием, которым наконец удалось перебраться туда из фашистской Германии. Сам Набоков сделал это еще раньше — в январе 1937 г. Семья воссоединилась 22 мая 1937 г. в Праге, а затем до переезда в Париж долгое время жила на французской Ривьере.

Пока Набоков жил в Париже один, между ним и его поклонницей Ириной Гуаданини разыгрался любовный роман. В середине апреля 1937 г. жена писателя Вера получила анонимное письмо, в котором ей о нем сообщили. Из-за этого она даже долгое время не хотела ехать во Францию, несмотря на все возраставшую опасность ее пребывания в Германии.

В июле 1937 г. Набоков признался жене в неверности. В сентябре он написал Ирине, что вынужден порвать отношения с ней. Получив это письмо, Ирина сама приехала в Канны и встретила там с Набоковым. Но и при личной встрече он сказал ей, что не может уйти из семьи.

2. «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» как альтернативная автобиография Набокова

Оставшуюся часть 1937 г. Набоков работает над третьей и пятой главами романа «Дар». Как отмечает один из наиболее известных его биографов Брайан Бойд, он завершит работу над этими главами, в которых «отдает дань верности, намекая на пушкинскую Татьяну, почти сразу после того, как он, проявив ту же твердость духа, что и Татьяна, изгнал из своей жизни Ирину Гуаданини» [2, с. 516–517]. Говоря о романе «Дар» в целом, Стейси Шифф писала: «Этот рассказ о худож-

нике в молодости читается как **благодарственный гимн женщине, которая буквально во всем напоминает Веру»** [5, с. 125]¹.

«Подлинную жизнь Себастьяна Найта» Набоков пишет вслед за «Даром», примерно через полтора года после разрыва с Ириной Гуаданини. Как отметил Бойд, писатель «проецирует на Себастьяна **альтернативный, искусно разработанный вариант продолжения своего собственного недавнего прошлого**: писатель оставляет женщину, для него, очевидно, идеальную, ради другой, к которой испытывает роковую страсть» [2, с. 581]. Можно сказать, что это своего рода альтернативная биография Набокова.

При этом первая и главная любовь Себастьяна Найта Клэр Бишоп изображена «его идеальной любовницей и музой» [2, с. 575]. В этом образе давно замечено немало деталей из супружеской жизни Набокова с Верой Слоним. «Вероподобность» этой героини исследователи усматривают в том, что Клэр перепечатывала на машинке произведения Себастьяна, что ее любимым поэтом был Джон Донн, и во многом другом [5, с. 135].

Между тем Нина Туровец (в первом замужестве Нина Речная) отдаленно напоминает Ирину Гуаданини. Правда, как водится в таких случаях, она брюнетка, в то время как Ирина была блондинкой. Но это обычные писательские хитрости, которых Набоков, конечно же, также не чурался. Недаром однажды он заметил, что не следует делать из литературных произведений донос на самого себя.

В остальном Нина довольно схожа с Ириной. Обе они уже побыли замужем (Нина даже два раза). У Ирины Гуаданини была репутация обольстительницы. Марк Алданов даже называл ее “**femme fatale**”, то есть «роковой женщиной». Между тем в романе есть обращенная к В. реплика мадам Лесерф якобы о своей подруге, а в действительности о себе самой: «— Вы хотите сказать, — спросила мадам Лесерф, — что она кажется вам страшной, опасной женщиной? **Une femme fatale?**» [6, с. 156].

Характеристика Бойдом Ирины Гуаданини: «привлекательная, кокетливая блондинка с поразительно правильными, классическими чертами лица, была хорошо образованной, наблюдательной, игриво-иронической женщиной, легко запоминавшей стихи» [2, с. 504] — в основном подходит и Нине Речной. Конечно, последняя далеко не так хорошо образованна, как Ирина. И вообще равнодушна к литературе. Но разве Набоков собирался буквально воссоздать в этой героине личность своей любовницы?

¹ Здесь и далее выделено полужирным мной — С.К.

Образ Нины Речной по сравнению с Ириной Гуаданини вообще несколько снижен. Однако могло ли быть иначе, если первой читательницей нового романа должна была, как обычно, стать его жена?

Между прочим, героиня «Подлинной жизни...» носит хотя и другое, но похожее, рифмующееся с именем ее прототипа имя. Всем этим Набоков как бы говорит своей жене Вере о Нине Речной: «Да, в ней есть черты Ирины Гуаданини. Именно такой я представляю ее себе. И вот как вижу теперь мое увлечение ею».

3. Загадка увлечения Себастьяна Ниной Речной

Брайан Бойд верно заметил: **«История Нины — это сердце книги: почему Себастьян оставляет чудесную Клэр Бишоп и безнадежно влюбляется в женщину, которой он быстро надоедает и которая приносит ему несчастье?»** [2, с. 579]. И сам отвечает на этот вопрос следующим образом: «Обнаружив, что он унаследовал от матери смертельный недуг — грудную жабу, Себастьян теряет душевный покой и воображает, что его счастье с Клэр — **это отвлекающая уловка, западня, в которую заманила его смерть**» [2, с. 576].

Но разве хоть что-нибудь в тексте романа дает основания для этой несколько мистической трактовки? Лишь отчасти объясняет увлечение Себастьяна и следующая характеристика героини исследователем: «Нина интересна не только **как напоминание о России**, но и сама по себе: это загадочно-обольстительная женщина, страсть к которой заставляет Себастьяна бросить свою замечательную возлюбленную» [2, с. 581].

Прямого ответа на вопрос о причинах ухода Себастьяна от Клэр в романе нет, но внимательный читатель все же может найти его, проанализировав некоторые детали.

Во-первых, еще летом 1926 г. Себастьян обнаруживает, что смертельно болен. Между тем «другая женщина» появляется в его жизни только в 1929 г., уже за несколько лет до его смерти. Причем относительно этого времени — времени создания его «последней книги» «Неясный асфальд» — в романе сказано: «Предположительно, он был **по-прежнему привязан к Клэр, но из-за острого ощущения собственной смертности, ставшего уже неотвязным**, отношения с ней начинали казаться более непрочными, чем они, вероятно, были» [6, с. 108–109].

Во-вторых, в роман Себастьяна «Утерянные вещи» входит «любовное письмо», которое, очевидно, представляет собой его собственное письмо к Клэр. В нем Себастьян признается ей в том, что «не перестал любить» ее, но оттого, что он не может, как прежде, целовать ее «милое, сумрачное лицо», им «нужно расстаться». В ка-

честве причины Себастьян называет появление в его жизни «другой женщины», с которой он тем не менее «отчаянно несчастлив».

Здесь же, тем не менее, он пишет: **«Друзей можно иметь тысячу, но возлюбленную — только одну. <...> Есть лишь одно действительное число: единица. И любовь, как видно, — наилучший из показателей этой единственности»** [6, с. 115]. Причем в романе об этом письме сказано: **«Письмо его героя было, возможно, шифром, прибегнув к которому он высказал несколько истин о своих отношениях с Клэр»** [6, с. 116].

И, наконец, в-третьих, размышления В. о том, возможно ли серьезное чувство со стороны Себастьяна к Нине, убеждают нас в противном: **«Женщина такого пошиба начала бы действовать ему на нервы незамедлительно. <...> Ею могла бы позабавить молоденькая потаскушка, мирно наливающаяся пивком, но *grande cocotte* с намеком на пристрастие к бхангу он бы не вытерпел»** [6, с. 145].

В беседе с мадам Лесерф, под именем которой скрылась все та же Нина Речная, В. по-прежнему недоумевает, «чем могла такая женщина увлечь моего брата» [6, с. 156] и именно по этой причине хочет увидеться с ней. Размышляя об обеих из двух оставшихся кандидаток на роль роковой «русской женщины» Себастьяна: Нине Речной и Елене фон Граун (которые в действительности представляют собой одно лицо), он думает: **«...особенно выбирать между ними не приходилось. Нина пуста и пленительна, Елена — коварна и жестока; обе взбалмошны, и обе совсем не в моем вкусе — да и не в Себастьяновом, насколько я понимаю»** [6, с. 156].

Между тем В. обладает **«внутренним пониманием»** характера Себастьяна: **«...представляя его поступки, о которых мне довелось услышать лишь после его кончины, я *наверное знал, что в том или в этом случае поступил бы в точности как он*»** [6, с. 50–51].

Очевидно, таким образом, что Себастьян вовсе не перестал любить Клэр. Основной причиной разрыва с ней была его болезнь. Зная, что он скоро умрет, он, скорее всего, просто не хотел причинять ей душевных страданий.

Разумеется, такое закамуфлированное объяснение причин разрыва Себастьяна с Клэр как нельзя лучше соответствовало житейской стратегии Набокова, воплощенной в его романе: представить свое увлечение Ириной Гуаданини в глазах жены и всех остальных, посвященных в эту историю, как не слишком серьезное...

4. Интертекстуальная стратегия романа

Возвеличиванию жены и принижению любовницы способствует и интертекстуальная стратегия Набокова в этом романе. Последние его

главы посвящены встречам В. с мадам Лесерф (она же Нина Речная) в загородном поместье «Леско». Это его название дважды повторено.

«Я просто уведомлял в нем, что буду гостить у ее подруги в Леско...», — писал В. в своем письме, посланном Элен фон Граун. А ниже сообщал: «Я выехал в девять утра, дабы попасть в Леско около полудня, как было условлено» [6, с. 157]. В английском написании этого слова: «Lescaux» [10, с. 136] — есть небольшие отличия от французской фамилии известной литературной героини («Lescaut»). Тем не менее оно, разумеется, актуализирует интертекстуальные связи «The Real Life...» с романом аббата Прево «Манон Леско», герой которого, кавалер де Гриё, шел на все ради своей страсти к куртизанке.

Прием, к которому прибегает здесь Набоков, находит прямые параллели в романе Достоевского «Игрок»: один из его героев француз Де-Грие носит имя главного героя романа Прево кавалера де Гриё. Последняя буква в названии поместья мадам Лесерф у Набокова может даже показаться отражением последней буквы в фамилии кавалера de Grioux из романа Прево, которая не произносится и потому, естественно, отсутствует в транслитерированном имени героя-француза у Достоевского [3, с. 105]. При этом аллюзия Набокова имеет, как это вообще присуще прозе XX в., и в особенности его собственной прозе, более скрытый, криптографический характер.

Тем самым мадам Лесерф ассоциируется с героиней знаменитого романа аббата Прево «Манон Леско» — куртизанкой, которой ее страсть к кавалеру де Гриё не мешала сохранять отношения с ее богатыми содержателями. В свою очередь это актуализирует стилизацию ее образа под героинь других произведений о влюбленной куртизанке (например, романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями», оперы Дж. Верди «Травиата», романа Достоевского «Игрок» и др.), в частности, под M-lle Blanche из «Игрока» и какую-нибудь Олимпию из «Дамы с камелиями». Соответственно, Клэр Бишоп при этом ассоциируется с Полиной, Маргерит Готье и другими судьбоносными привязанностями героев.

Что же касается прозрачной чеховской интертекстуальности, заданной именем набоковской героини «Нина Речная», то она подключает литературный подтекст влюбленности в известного писателя со стороны поклонницы его творчества. Отношения героев «Чайки» Нины Заречной и Тригорина в общем примерно соответствуют отношениям между Ириной Гуаданини и Набоковым.

Этот подтекст также направлен на снижение образа недавней влюбленной Набокова и его самооправдание. Тригорин ведь всего лишь был некоторое время увлечен Ниной Заречной, но не любил ее.

Аналогичную нацеленность имеет и шахматная тайнопись романа. Усилиями многих набоковедов она восстановлена в своем довольно полном виде. Однако смысл ее остается непонятен.

5. Шахматная тайнопись «Подлинной жизни...»

Сам Набоков указывал, что, «если не считать неясных очертаний шахматной партии в одной главе, в книге нет никакого развития шахматной идеи» (Письмо В. Набокова Э. Вильсону от 21 октября 1941 г. Цит. по: [1, с. 178]).

Опираясь на это, некоторые исследователи полагают, что «шахматная тема — ложный след, сбивающий охотника с толку» [1, с. 157]. Однако не всегда в таких случаях стоит доверять писателям. «Шахматная идея» в «Подлинной жизни...» все же есть, и ее «развитие» весьма значимо².

Ключ к этой идее заключается в фамилии главной героини романа. В английском языке, на котором он написан, “Bishop” означает «шахматный **слон**». Если я не ошибаюсь, до сих пор никому из исследователей не пришла в голову простая мысль. Фамилия «Клэр» представляет собой криптоним жены Набокова Веры **Сло**ним.

Между тем Нина Речная в последних главах романа предстает перед В. в качестве мадам Лесерф. Выйдя замуж за господина Лесерфа, Нина Туровец-Речная тем самым произвела себя из ладьи в «ферзь», «анagramматически зашифрованного» в фамилии «мадам Лесерф», «если отбросить французский артикль «ле» [6, с. 553]. Теперь в шахматной задаче, исподволь сформулированной в набоковском романе, нам известны две фигуры: Клэр — это слон, а Нина — ферзь, а в прошлом ладья.

При этом и теперь мадам Лесерф все же «Ферзь», а не «Королева», как иногда по-русски — вслед за английским названием “queen” — обозначают эту фигуру. Между тем в имени «**Клэр**», хотя фамилия ее и означает «Слон», заключена — во всяком случае по-русски — сокращенная анаграмма именно слова «**Королева**». Развитие «шахматной идеи» в романе и заключается в выявлении, какая из героинь на самом деле была для Себастьяна «Королевой». Тем самым оно следует в том же направлении, что и развитие основного сюжета романа.

В финале Нина предстает перед В. как мадам Лесерф. Казалось бы, теперь она более сильная фигура, чем Клэр. Однако В. скоро раскрывает секрет мадам Лесерф: в действительности она не француженка. Она — русская Нина Туровец-Речная. Так что мнимая «Коро-

² Попытки расшифровать ее все же предпринимались, но были связаны в основном с образами Себастьяна и В. [см. об этом: 6, с. 553].

лева» как бы снова становится ладьей, какой она была изначально.

Но и эта ладья, будучи более сильной фигурой по сравнению со слоном, все же проигрывает ему. Ведь «слон» Клэр Бишоп — в действительности «королева»: именно она, как в конце концов открывает для себя В., была главной любовью Себастьяна. Вот как заканчивается закамуфлированная в именах героинь романа шахматная партия между ними. И, соответственно, партия между их прототипами.

«Тура», «ферзь» и «слон» оказываются основными действующими лицами и в реальной шахматной партии Пал Палыча Речного с «Черным» в 15-й главе романа — партии, которую сам Набоков упоминает в процитированном выше письме к Эдмунду Вильсону.

« — Я бы мог **взять твою туру**, если бы захотел, — мрачно сказал Черный, — но у меня есть ход получше» [6, с. 140]. Если принять во внимание, что когда-то Нина поцеловала Черного, тот, возможно, и в самом деле мог «взять» его жену. Впрочем, скорее всего, он все же этого не сделал. Во всяком случае возможной — и ненамеренной в устах героя — аллюзией именно на это являются его приведенные выше слова.

Вместо этого он устраивает из своего «ферзя» ловушку, в которую Речной и попадает: «Он **приподнял ферзя** и бережно втиснул его в пригоршню пожелтелых пешек...» [6, с. 140]. В английском оригинале речь, естественно, все время идет о “queen”, то есть как бы скорее о «королеве», чем о «ферзе»: “He lifted his queen and delicately crammed it into a cluster of yellowish pawns...” [10, p. 118].

«Молниеносно двинув **слона**, Пал Палыч **ферзя снял**. После чего зашелся от смеха. — Ну так, — спокойно сказал Черный, когда Белый отсмеялся, — вот ты и влип. **Шах**, голубчик» [6, с. 140]. Взятие белого ферзя оказывается для Речного роковым. Партию он проигрывает.

Именно это произошло и в реальной жизни Речного. С той только разницей, что «ловушку» из Нины Туровец ему устроил не Черный, а судьба. Теперь, не зная о том, что Нина Туровец стала мадам Лесерф, то есть как бы превратилась из ладьи в ферзя, Пал Палыч берет «ферзя» Черного. Тем самым он снова, сам того не подозревая, берет ту же самую Нину.

Причем этого «ферзя» он берет своим «слоном» (“took the queen with his bishop” [10, с. 118]). В этом также можно усмотреть символический смысл. Будучи не такой сильной фигурой, как «ферзь» (анаграмматическое значение фамилии «Лесерф») и даже как ладья (этимология фамилии «Туровец»), «слон» (значение фамилии Клэр Бишоп), все же побеждает их. Тем самым скрытая тайнопись этой шахматной партии также знаменует, что главной фигурой в жизни Себастьяна была и осталась Клэр Бишоп.

Не все, впрочем, так просто. В действительности победа эта оказывается пирровой. В результате этого своего хода Пал Палыч оказывается не в состоянии уберечь своего короля. В романе этому, быть может, соответствует то, что, хотя Себастьян по-прежнему любит Клэр, он оказывается в связи с мадам Лесерф и в конце концов погибает.

Не случайно он умирает в «больнице Сен-Дамье» (по-французски, “damier” — это «шахматная доска») [6, с. 553]. Впервые название этого местечка мы читаем в главке 17-й, в которой В. едет в поместье мадам Лесерф «Леско»: «Я уже сидел в поезде, как вдруг меня поразила мысль, что дорогой я буду проезжать **Сен-Дамье, где умер и похоронен Себастьян**» [6, с. 157].

Шахматная доска не случайно промелькивает в сознании читателя в этой главе, в которой «ферзь» оказывается всего лишь ладьей и терпит поражение от «слона».

Разумеется, речь здесь идет не о буквальных, а о символических значениях того или иного шахматного хода в судьбе героев. Так что каждый из них может быть истолкован и несколько иначе. Однако в целом дело примерно обстоит выше обозначенным образом. Ведь Набоков скорее всего стремился выдержать шахматную тайнопись романа в соотношении с общим развитием его центральной сюжетной линии.

При этом он явно опирался на примеры подобной шахматной тайнописи в предшествующей ему литературе — в частности, в «Алисе в Зазеркалье» любимого Набоковым Льюиса Кэрролла. Ее героиня скоро понимает секрет Зазеркалья: «**Весь этот мир — шахматы** (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая шахматная партия» [8, с. 157]³.

Сюжет этой книги и составляет шахматная партия, в которой принимает участие Алиса. Вначале она становится «Белой Королевской Пешкой», а в конце книги добирается «до восьмой линии» и становится **Королевой**, увенчанной «золотой короной» [8, с. 204–205].

В книге упоминаются и многие другие шахматные фигуры. Так, в самом начале книги Алиса видит: «А вон две **Туры** взялись под ручки и шепчутся о чем-то!» [8, с. 133]. Затем Королева предсказывает ей: «Значит, седьмая клетка вся заросла лесом, но ты не беспокойся. Там будет **Рыцарь на Коне**, который проведет тебя через лес» [8, с. 143]. Далее ее пытаются взять в плен «**закованный в черные латы Рыцарь**» (“Knight dressed in crimson armour”), сидящий на «**Черном**

³ Общие аналогии романа Набокова с «Алисой в Зазеркалье» Л. Кэрролла, где «уподобление шахматной партии также определяет игру с читателем», разумеется, отмечались и ранее [см.: 6, с. 554].

Конь» (“the horse”) и «**Белый Рыцарь, сидящий на Белом, как снег, Конь**» (“White Knight”) [8, с. 194; 9, р. 171].

Вот откуда, по-видимому, Набоков и позаимствовал фамилию героя «Подлинной жизни...» “Knight”, которая означает одновременно и «рыцаря», и «коня». А заодно идею аллюзивного соотнесения героев этого романа с теми или иными шахматными фигурами⁴. Недаром в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» есть многочисленные прямые отсылки к обеим книгам Кэрролла [см.: 4, с. 82].

По самой семантике своего имени Клэр — «Светлая», то есть, по всей вероятности, Белая Королева. Или во всяком случае белый слон. В то время как Нина Речная, по всем приметам, если и, хотя бы самозванно, Королева, то Черная: «его последняя, темная любовь» [6, с. 135]. Причем «**темная**», разумеется не только потому, что она брюнетка: «маленькая, хрупкая, бледнолицая молодая дама с гладкими **темными** волосами» [6, с. 146] — но и потому, что составляет самую черную полосу в жизни как Речного, так и Себастьяна.

Как выразилась вторая жена Пал Палыча Варвара Митрофанна, Нина Речная — это просто «дурной сон после просмотра дурной фильмы» [6, с. 144].

6. Автобиографический подтекст в «Подлинной жизни...» и в «Весне в Фиальте»

Итак, образ Клэр Бишоп написан так, чтобы показать Вере Слоним, как много она для него значит. В этом смысле он стал логическим продолжением образа Зины Мерц в «Даре», в котором достаточно очевидным образом изображена жена Набокова.

Соответственно, в **Нине** Туровец-Речной-Лесерф в этом случае можно видеть какое-то преломление личности **Ирины** Гуаданини. Вот только вопрос, какое. Судя по всему, недавняя возлюбленная Набокова представлена в «Подлинной жизни...» в значительной степени в **кривом зеркале пародии**. Далеко не последняя цель этой пародии, по-видимому, — уверить жену Набокова Веру Слоним в несерьезности его увлечения.

Создавая эту пародию на свою недавнюю любовь, Набоков внутренне мог оправдывать себя только тем, что в стремлении склонить его к разрыву с женой Ирина проявила чрезмерную настойчивость [см. об этом: 5, с. 135]. Несмотря на письмо Набокова, в котором он

⁴ Еще более очевидным это становится, если учесть, что Белый Рыцарь в книге Кэрролла говорит Алисе: «Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно — такой у меня ход!» [8, с. 195]. То есть у Рыцаря скорее всего ход шахматного коня.

сообщил ей, что останется с семьей, она приехала в Канни и встретила с ним еще раз. Однако роман с Набоковым был центральным событием всей личной жизни Ирины Гуаданини. Так можно ли строго ее за это судить?..

Более светлое отображение отношения между Набоковым и Ириной получили в написанном им в 1938 г. рассказе «Весна в Фиальте». Впрочем, и в нем облик героини снижен неоднократным упоминанием о «ее быстрых связях». А о ее близости с героем-рассказчиком не раз предусмотрительно сказано: «Вновь и вновь она появлялась на полях моей жизни, **совершенно не влияя на основной текст**», «... никакого внутреннего разрыва чувств я не испытывал, ни тени трагедии нам не сопутствовало, **моя супружеская жизнь оставалась неприкосновенной...**» [7, с. 317].

При этом с Ниной Туровец-Речной-Лесерф героиню «Весны в Фиальте» роднит не только имя («Нина»), но и замужнее положение, ветренность, живость, непоседливость, отчасти внешность: «маленькая узкоплечая женщина», «она оказалась маленькой, хрупкой» [7, с. 315, 146].

7. Заключение

Таким образом, литературная стратегия, использованная Набоковым при создании романа “The Real Life of Sebastian Knight”, была направлена на то, чтобы уверить жену в непоколебимости их союза и в случайности его любовного увлечения Ириной Гуаданини. Всячески затушевывая серьезность романа Себастьяна с Ниной Туровец-Речной, Набоков одновременно подчеркивает судьбоносность его отношений с Клэр Бишоп.

Учитывая, что жена Набокова знала о пережитом им любовном романе и брак какое-то время подвергался серьезному испытанию, только в таком виде он и мог отразиться на страницах «Подлинной жизни...». Причем ни тогда, ни впоследствии писатель, разумеется, не мог расшифровать кому-либо шахматную тайнопись романа, которая так сильно связана с драматическими перипетиями его семейной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 457 с.
2. *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.

3. Кибальник С.А. Роман В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» и «Игрок» Ф.М. Достоевского // Филологические науки. 2021. № 5. С. 101–108.
4. Мейер П. Набоков и неопределенность. Случай «Истинной жизни Себастьяна Найта». Бостон. СПб.: БиблиоРоссика, 2020. 270 с.
5. Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков). М.: Изд-во Независимая газета, 2002. 457 с.

Источники

6. Набоков В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. СПб.: «Симпозиум», 2000. Т. 1: Подлинная жизнь Себастьяна Найта / пер. С. Ильина, комм. А. Люксембурга. 605 с.
7. Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. 475 с.
8. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса / пер. Н. Демуровой. София: Изд-во литературы на иностранных языках, 1967. 225 с.
9. Carroll L. Through the Looking-Glass, and What Alice found there. Dover Thrift Edition: Classic Novels, 1999. 128 p.
10. Nabokov V. The Real Life of Sebastian Knight. Harmondsworth: Penguin Books, 1941. 173 p.

REFERENCES

1. Barabtarlo, G. *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's Collected Works]. St. Petersburg, Ivana Limbakha Publ., 2011. 457 p. (In Russian)
2. Boyd, V. *Vladimir Nabokov. Russkiye gody* [Vladimir Nabokov. Russian Years]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 695 p. (In Russian)
3. Kibal'nik, S.A. "Roman V.V. Nabokova 'Podlinnaia zhizn' Sebastiana Naita' i 'Igrok' F.M. Dostoevskogo" ["Nabokov's Novel 'The Real Life of Sebastian Knight' and 'The Gambler' by Fyodor Dostoesvkii"]. *Filologicheskiiye nauki*, no. 5, 2021, pp. 101–108. (In Russian)
4. Meyer, P. *Nabokov i neopredelionnost': sluchai "Istinnoi zhizni Sebstantiana Naita"* [Nabokov and Indeterminacy. The Case of "The Real Life of Sebastian Knight"]. St. Petersburg, BiblioRossica Publ., 2020. 270 p. (In Russian)
5. Schiff, S. *Vera. (Mrs. Vladimir Nabokov)*. Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimoi gazety Publ., 2002. 457 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 26 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 августа 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: December 26, 2021

Approved after reviewing: August 12, 2022

Date of publication: October 07, 2024